

Июль, город S.

Летняя погода пылала зноем, два часа дня — самый разгар палящего змея.

Гу Нин доставил последний заказ, вышел из прохладного здания конторы, торопливо утер со лба капли пот и сделал большой глоток из бутылки, привязанной к электроскутеру.

Кипяченая вода под лучами солнца успела стать теплой и безвкусной, но ее хозяин ничуть не возражал.

Воду пили лишь для утоления базовой потребности организма, о личных удовольствиях давно пришлось забыть.

Гу Нин был сиротой. Получив грант на обучение, он благополучно поступил в университет, после чего начал сам зарабатывать на учебу и жизнь. Он выучился на пищевого технолога, успешно окончил вуз и нашел хорошую работу — устроился разработчиком и дизайнером продуктов питания в одну компанию.

С ранних лет познавший горечь сиротства, Гу Нин всегда мечтал о собственном доме.

Помимо основной работы, в свободное время Гу Нин брался за любые подработки, не позволяя себе передышку.

Каждое утро — одно яйцо и пачка молока, в обед — порция риса и одно вегетарианское блюдо, а вечером и вовсе пустая рисовая каша да паровые пампушки.

Лишь раз в неделю он позволял себе потратиться на мясное блюдо, чтобы вознаградить себя за тяжелую трудовую неделю.

Из одежды — по два комплекта на сезон: днем носил — вечером стирал, вечером сушил — днем носил.

Настоящий современный Гарпагон.

Наконец, питаясь впроголодь и выскребая все сбережения, он купил крошечную квартиру в пятьдесят квадратных метров. Едва выплатив первый взнос, он обрел собственный уголок, настоящий свой дом.

Закончив пить и утерев со лба пот, Гу Нин с довольной улыбкой заглянул в баланс на телефоне: сегодня вечером можно позволить себе добавить еще одно блюдо к ужину.

Но почему буквы на экране стали такими размытыми?

Раздался глухой стук, в глазах потемнело. Еще до того, как полностью потерять сознание, Гу Нин услышал донесшийся издали голос: кто-то говорил, что человеку стало плохо...

Очнулся, очнулся!

Сам напросился, поделом ему!

Зачем только понадобилось лезть на дерево за какими-то абрикосами? Дерево-то высокое, как приложится головой с такой-то тушей, разве обойдется без беды?

Досталось же этому пареньку из семьи Гу!

Голоса со всех сторон приближались.

Гу Нин прислушался к жужжанию в ушах и был вынужден прийти в себя.

Но где это он?

Разве он не развозил еду?

Оглядевшись вокруг, он попытался понять, чья же это разваливающаяся на куски соломенная хижина??

Вдруг сверху слева высунулось круглое лицо с родинкой на щеке — выглядело оно весьма забавно. Гу Нин завороченно уставился на покачивающуюся у него перед глазами родинку.

Паренек из семьи Гу очнулся! — подала голос обладательница родинки, и ее зычный голос зазвенел у Гу Нина в ушах.

Очнулся, очнулся, голова все еще болит? — снизу справа появилась квадратная физиономия с чрезвычайно встревоженным выражением.

Превозмогая дурноту, Гу Нин попытался приподняться. Слишком резко дернувшись, он не смог встать, поднатужился еще раз — всё равно не вышло.

Окружающие увидели, что он хочет подняться, и бросились помогать ему наперегонки.

Сел, переводя дыхание, и почувствовал, что вес тела какой-то неправильный.

Опустив взгляд, он заметил комок жира, поднял руку — пухлая ручонка, похожая на перевязанный нитками стебель лотоса, а на тыльной стороне ладони красовались ямочки.

...

Кто я?

Где я?

Заметив, что Гу Нин молчит, окружающие решили, что у него снова испортился характер. Зеваки и те, кто действительно переживал за хозяина тела, один за другим поспешили ретироваться. Стоило этому баловню взбеситься, как все предпочитали держаться от него подальше.

Гу Нин посидел на кровати, и воспоминания прежнего владельца начали медленно всплывать в памяти.

Прежнего хозяина тела тоже звали Гу Нин, он был гэ-эром.

Они жили вдвоем с дедушкой, старейшиной Гу, полагаясь только друг на друга. Старик в прошлом работал поваром и славился первоклассным мастерством.

Вернувшись на старости лет в родную деревню, он обычно помогал готовить на все радостные и скорбные события в округе. Старик отличался честным нравом и честными ценами, так что даже многие семьи из уездного городка охотно приглашали его к себе.

Только вот единственный внук ни капельки не унаследовал его кулинарного таланта и нрава.

Гу Нин не только обожал вкусно поесть и страдал ленью, но и вел праздный образ жизни. Он вздыхал по Чжу Ваньцюаню, сыну богача Чжу из уездного города. Тот Чжу Ваньцюань числился ученым-эрудитом и воображал себя будущим провинциальным цзюйжэнем, так что многие стремились завязать с ним знакомство.

Однажды дедушка отправился в уездный город наниматься готовить для пиршества в богатом доме. Возвращаясь обратно, он заметил в придорожных кустах человека сплошь в рублевых ранах, который был без сознания. Добрый старик не смог пройти мимо и подобрал несчастного.

Подобранный мужчина оказался широкоплечим, крепким и обладал черными, как ночь, непроницаемыми глазами.

Позвали лекаря, дали лекарств — видать, судьба у него была не из легких: перенес сильный

жар, он все-таки выкарабкался.

Придя в себя, этот человек трое суток хранил молчание и лишь на четвертый день произнес первые слова: Спасибо тебе, старец, я непременно отплачу за добро. Этим человеком оказался Му Е, который с тех пор и остался жить в их доме.

Старик Гу к тому времени уже постарел. Переболев той зимой, он слег и никак не мог поправиться, а больше всего на свете его тревожил маленький внук.

Не имея иного выхода, он позвал Му Е к изголовью постели в надежде, что тот присмотрит за Гу Нин. Жалко было смотреть на старика — всю жизнь честного и гордого, который никогда никого ни о чем не просил, а тут нарушил свое правило ради внука.

Му Е лишь ответил: Хорошо.

Прежний Гу Нин, как ни сопротивлялся в душе, был вынужден согласиться. После нехитрых приготовлений они стали мужем и женой.

Лишившись последних тревог, старик вскоре скончался.

Так они и остались жить вдвоем: один — с мыслями о другом человеке, другой — связанный чужим обещанием. Никаких чувств между ними не было.

Хоть Гу Нин и был гэ-эром, благодаря балованию дедушки он не знал тягот: ни в доме прибраться, ни у плиты постоять.

Му Е же был самым что ни на есть настоящим мужчиной. В итоге они целыми днями топили холодный очаг, перебиваясь с хлеба на воду, и превратили свою жизнь в балаган.

Размышляя о царящем кругом кавардаке, Гу Нин пощупал жирок на собственной руке и тяжело вздохнул: неужели в этом теле и впрямь жили впроголодь?

Бросив взгляд на голые стены мазанки, он подумал, что все доходы семьи, должно быть, уходили на прокорм прежнего хозяина.

В раздумьях он услышал скрип двери и, подняв глаза, замер на месте.

В хижину вошел Му Е в черном коротком костюме для боевых искусств. Простая одежда не могла скрыть его суровой и решительной выправки: подтянутая и высокая фигура не выглядела грубой, а сквозь ткань угадывалась мощная сила развитых мышц. Взгляд его темных глаз сиял подобно холодным звездам.

Гу Нин окинул взглядом собственное белое тестообразное тело, а затем посмотрел на плавные линии чужих мышц.

Ах, зависть, ревность и ненависть!

Заметив пытливый взгляд Гу Нина, Му Е слегка нахмурился, не понимая, какую еще сцену тот затеял.

Сегодня он установил силки лишь наполовину, как вдруг прибежал посыльный и передал, что его благоверный свалился с дерева. Му Е ничего не ответил, поспешно вернулся проверить — все ли живо, после чего развел огонь в очаге, разогрел утреннюю кашу из нешлифованного риса и три грубых пампушки.

Му Е был простым мужчиной и толком готовить не умел. Обычно он делился добычей на охоте с соседями, прочая пригласить за Гу Нином.

Соседи были благодарны за его щедрость и неизменно подносили им излишки своей нехитрой еды.

Му Е поставил кашу и пампушки на стол, у которого не хватало одной ножки, и позвал Гу Нина к трапезе.

Почувствовав, что, кроме некоторой разбитости в голове, тело вполне послушно и может двигаться, Гу Нин встал с кровати и подошел к столу.

Взяв пиалу, он сделал глоток и в тот же миг понял смысл выражения застряло в горле.

Каша оказалась невероятно грубой, а вот половинку пампушки он осилил. По меркам человека из современного мира, злаковых пампушек он не ел уже целую вечность.

Видя, что Гу Нин перестал есть, Му Е в два счета умял оставшиеся пампушки.

Гу Нин легко кашлянул, вспомнив, что прежний хозяин привык к изысканной пище и никогда не притрагивался к подобному зерну.

Му Е, видимо, тоже привык к капризам Гу Нина и подумал, что тот по-прежнему привередничает, отказываясь есть грубый ячмень вместо белой муки.

Закончив трапезу, Му Е навел небольшой порядок и заглянул в денежную шкатулку — та, предсказуемо, оказалась пустой.

Не прошло и двух дней, а ты снова всё потратил? — нахмурился Му Е.

А?

Бедный Гу Нин, едва переселившись в это тело, уже схлопотал такой тяжелый груз ответственности, да к тому же понятия не имел, куда делись деньги.

Столь задумчивое выражение лица показалось Му Е признаком того, что деньги спущены, а признаваться в этом страшно.

Му Е задался вопросом: с каких это пор Гу Нин стал вести себя так присмирив? Раньше он всегда задира нос и с такой уверенностью качал права.

Вечно заявлял: потратил — значит потратил, разве ты зарабатываешь не для того, чтобы я тратил?

Му Е рассчитывал, что охотничьих заработков, конечно, не хватит на горы золота, но на фоне деревни их доход выглядел одним из лучших.

Он думал подкопить деньжат, а затем обустроить для Гу Нина хозяйство или прикупить лавку в уезде или городке, чтобы тот имел собственное дело и мог себя обеспечить.

Самим ему, мужчине, было проще — хоть как, но с голоду не помрешь, а у гэ-эра должна быть опора.

Раз уж у них обоих не было друг к другу никаких чувств, лучше было вовремя разойтись.

Однако врожденное чувство ответственности не позволяло ему просто бросить человека и уйти — надо же иметь совесть.

Как бы плохо ни вел себя Гу Нин, нельзя было забывать о спасителе — покойном дедушке.

Кто же знал, что этот паренек ни капли не задумывается о будущем, живет одним днем и спускает все до последнего гроша.

Доходило до того, что он время от времени водил ученика Чжу в чайную, угощал сладостями и таскал по книжным лавкам.

Каждый в округе видел, что этот ученый просто водит Гу Нина за нос: притворяется влюбленным, транжирит его деньги, а за спиной презирает.

Гу Нин тяжело вздохнул: мало того что ученик Чжу ему противен, так еще и собственный нынешний вид вызывал отвращение.

Раньше, хоть он и был беден и не мог позволить себе брендовую одежду, но благодаря постоянным подработкам его тело не имело ни грамма лишнего жира. Стоило немного нарядиться — вылитый молодой айдол!

А улыбка его неизменно очаровывала людей всех возразов и полов.

А теперь, оглядев собственное пухлое тело и заглянув в пустой кошелек, Гу Нин едва не расплакался.

Как же хотелось вернуться в его маленькую квартирку, купленную на кровные деньги, нажитые за десяток с лишним лет!

Стоило с таким трудом обзавестись собственным пристанищем, перестать скитаться без кола и двора — и на тебе, мало того что жилья больше нет, так еще и все приходится начинать с нуля.

Умывшись перед сном и вернувшись в комнату, Гу Нин захотел завывать еще сильнее.

Кому вздумается спать в этой грязной, оборванной халупе?

И кто знает, удастся ли ему вообще вернуться назад, сколько придется здесь куковать, а прежний хозяин оставил ему такое расхлебывание...

Сам-то прежний Гу Нин спал на большой кровати, но постельные принадлежности оказались донельзя убогими!

Стоило взглянуть на эти сбившиеся в комья ватные матрасы, как становилось страшно: неизвестно, когда их в последний раз стирали.

Комната была пустой и делилась на внутреннюю и внешнюю половины.

Из мебели нашелся лишь шкаф для одежды с наполовину сломанной дверцей, внутри которого в беспорядке варялись вещи, на вид далеко не самые чистые.

Во внешней половине Му Е спал прямо на сколоченной тахте. На ней не было даже матраса, а единственная простыня казалась чистой лишь на первый взгляд — дыр на ней было столько, что сквозь них проглядывала солома подстилки.

Гу Нин тяжело вздохнул, рухнул на кровать и снова молча заплакал.

Что делать, если вернуться не получится?

Придется принять эту реальность?

Независимо от того, сможет ли он вернуться и сколько здесь пробудет, теперь ему придется жить именно в этом теле и с этой внешностью.

Самое важное сейчас — разобраться в эпохе и понять, что это за место.

Заработать на дорожные расходы, подкопить сбережения, и только накопив денег, можно отправляться в путь и искать способ вернуться.

Но как заработать?

Му Е на противоположной стороне тоже предавался раздумьям, решая, не завести ли разговор с Гу Нином.

Раньше он думал, что Гу Нин еще мал и неразумен, а через пару лет повзрослеет и поумнеет. Кто же знал, что с годами тот станет только хуже и избалованнее.

С такой бездонной бочкой не накопишь никаких богатств даже спустя десять лет.

Раз уж они не собираются жить вместе как муж и жена, лучше всего было вовремя разойтись.

В последнее время у Му Е все чаще и чаще возникало желание уйти, отправиться в странствия, испытать судьбу.

Ему казалось, что он потерял что-то очень важное; по крайней мере, ему не следовало вечно сидеть на месте, нужно было выйти в мир.

Посмотреть, каков он, этот мир за пределами деревни.

Судя по его наблюдениям и размышлениям за последние годы, Великая Ся лишь казалась мирной, но таила в себе множество скрытых угроз.

Несколько лет назад в войне с государством Куча Великая Ся одержала полную победу. Хотя государство Куча в последние годы и не совершало набегов, государственная казна оказалась истощена до предела.

Нынче ремонт мостов, прокладка дорог и просвещение народа требовали огромных расходов, к тому же казну необходимо было пополнять на случай будущих бедствий и напастей.

Полнота казны давала уверенность перед любыми вызовами, особенно в вопросах военной мощи. Стоит армии окрепнуть, как при появлении новых дерзких смутьянов можно просто седлать коней и задать им жару.

В последние годы стояла хорошая погода, крестьяне собирали неплохие урожаи, голод им не грозил, и просить зерна у государства не приходилось.

Император Великой Ся заботился о подданных, за последние три года налоги снижали раз за разом, так что бремя было совсем легким.

После осеннего сбора урожая крестьяне уплачивали налоги, откладывали семена, а все остальное шло на прокорм семьи.

В трудолюбивых семьях земля давала больше плодов, и в амбарах оставалось зерно. У менее рачительных хозяев, да еще на бедной почве, годового урожая едва-едва хватало на то, чтобы набить желудок.

Каждому истинному мужу подобает стремиться к великим свершениям, каждый надеется принести пользу.

Хотя Му Е и не понимал, как его занесло в эти края, в последнее время его стали донимать частые головные боли, а в памяти всплывали обрывочные образы: в один миг он пил вино и предавался веселью, а в следующий — мчался в бой под звон оружия.

Море желтого песка в его снах казалось бесконечным.

И хотя он не знал, где именно находится эта пустыня, она казалась ему странно знакомой, словно он прожил там долгие годы. Стоило добраться туда, как он непременно обрел бы свой дом и верный путь.

Однако сейчас его планы были скромны, а впереди простиралась лишь неопределенность.

К тому же долг за спасение жизни еще не был отдан, а многочисленные заботы не позволяли сорваться с места прямо сейчас.

В таком деле нельзя торопиться, все требовалось обдумать обстоятельно.

Гу Нин же со своей стороны решил выведать обстановку и ознакомиться с местными нравами.

Для простого народа еда — это прежде всего, ведь в любую эпоху не обойтись без одежды, еды, жилья и путешествий. В чем заключалось его профессиональное преимущество? В пищевой промышленности!

Если не применить эти знания сейчас, то когда же?

Они сидели молча, не произнося ни слова, пока ночь не сменилась рассветом.

<http://bllate.org/book/18790/1825009>